

Северный Сахалин 1925 года.

Уходят японские войска, а вместе с ними японское гражданское население, китайцы и корейцы также в большинстве своем тянутся вслед за ними на юг. Население острова — около 8 тысяч человек, из них около 2 тысяч представителей "туземного населения", то есть КМНС, которые живут своей жизнью.

А ресурсы острова, из-за которых и был в основном весь сыр-бор, надо кому-то осваивать. И заселять территории, на которые Япония и США не переставали посматривать с интересом.

Напомним, что главным вопросом тогда был вопрос продовольственный. А потому не в последнюю очередь речь зашла о сельскохозяйственном переселении. Причем "граждан", лояльно настроенных по отношению к советскому государству, дабы нейтрализовать старожильческое население, которое, в общем-то, не бедствовало и под японцами, особенно когда с 1923 года те начали проводить политику всяческого задабривания местных.

С 1 мая 1926 года Сахалин был открыт для свободного заселения. Центр России, действительно, был аграрно перенаселен. Но переезжать на "каторжный остров", где "кругом вода, а посередине беда"? Чехов-то обмануть не мог, Чехову верили...

Естественно, надо было вводить льготы. В надежде на то, что центральная власть уделит должное внимание предложениям с места, свои мнения по этому вопросу высказали краевые и окружные чиновники. Они считали необходимым для каждой семьи "колониста" выделить со стороны государства материальную помощь в размере 1500 рублей, обеспечить их долгосрочной ссудой и бесплатным проездом, освободить от воинской повинности и от всех государственных налогов, организовать бесплатное пользование лесом и другими природными богатствами, осуществлять ввоз товаров на безакцизной и беспошлинной основе.

Естественно, центр на это не пошел. Меры были приняты половинчатые.

Сельхозпереселенцам возвращалась стоимость проезда всех членов их семей, багажа, сельхозинвентаря и домашней скотины. Они освобождались от единого сельскохозяйственного и промыслового налогов сроком от 10 до 15 лет, а также от военной службы. Причем все эти льготы распространялись только на плановых или, как в то время говорили, "предварительно зачисленных" переселенцев, тогда как две трети крестьян отправлялись на остров самостоятельно.

Но даже если они ехали по оргнабору, то, как это говорится сейчас, "попадали круто".

Переселенец из Новосибирской области затрачивал на перевозку семьи из пяти человек только до Владивостока 683 рублей. Эти деньги ему сначала надо было где-то взять. Крестьяне, прибывающие на Сахалин, вынуждены были в дороге продавать свой инвентарь и скотину.

В переселенческом участке Александровска им возвращали деньги за проезд и выдавали ссуду для обустройства 200-300 рублей. Часть ссуды выдавалась на руки, другая шла в счет снабжения переселенцев товаром и инвентарем.

Однако по сахалинским ценам им требовалось на первые два года минимум 1500 рублей: строительство дома — 250 рублей, покупка домашней скотины — 580 рублей, покупка сельхозинвентаря — 270 рублей, стоимость продовольствия на два года — 570 рублей.

И это если они заселялись на земли, отобранные у старожилов — к ненависти последних. А если поселенцев отправляли куда-нибудь на выселки, в бездорожье, где все надо было начинать с нуля? На земле совершенно для них неизвестной и непонятной, переполненной стихийными проявлениями? В 1928/29 годах люди бросили все и запросились назад, а многие из оставшихся вели дело так, чтобы можно было прокормиться, но и бросить, если нужно, было бы не жалко.

Освобождение от воинской повинности тоже дало эффект обратный. Представитель ГПУ в 1928 году отмечал, что этой льготой поспешила воспользоваться "публика", далекая от сельского хозяйства и "фактически скрывающаяся от призыва в армию".

Понимаю, как прозвучит это сегодня и каким бальзамом прольется на сердца некоторых сограждан в качестве повода для зубоскальства, но все же процитирую: *"Окружное бюро ВКП(б) вынуждено было потребовать от Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома прекращения "посылки на Сахалин переселенцев с "неподходящих" районов, а главное — амурцев"*. Этот факт отмечают все историки.

"Секретарь Сахалинского окружного бюро ВКП(б) Конюхов по этому поводу в письме Гамарнику Я.Б. (Далькрайком) писал: *"На Сахалин с Амура... едет публика, в лучшем случае жившая в условиях, не подходящих для Сахалина, а в худшем, это бывшие контрабандисты, которые едут, зачем угодно, но не заниматься земледелием"*.

Впрочем, из других мест приезжали не лучше: "Еще один местный коммунист выразился более резко, охарактеризовав прибывающих людей как "материковый отброс".

В итоге мечта вывести Сахалин на уровень самообеспечения продуктами питания осталась невыполненной. Наоборот, разразился жуткий продовольственный кризис. Все запасы муки были забронированы. Но и в этом случае "месячная норма на одного едока составляла 800 г хлеба, 850 г сахара, 1 кг жиров, 1,9 кг крупы, 330 г макаронных изделий, 2 кг солонины, 100 г чаю". Впрочем, спасали рыба и оленина...

Но это мы говорим только про село. А ведь на Сахалин везли тысячи вербованных на добычу нефти, угля, рыбы, заготовку леса. Везли в чистое поле. Жилая площадь на Северном Сахалине только немного превышала 2 квадратных метра на одного человека, люди жили в неутепленных бараках, по несколько семей в одном помещении, на чердаках и даже в шалашах и землянках.

Напомним, что на Сахалине в то время работали японские концессии. В декабре 1925 года председатель ВСНХ Феликс Дзержинский подписал концессионное соглашение, позволяющее японским компаниям продолжать нефтеразработки на острове. Восемь нефтяных месторождений (Оха, Нутово, Пильтун, Эхаби, Ныйво, Уйглекуты, Катангли, Чайво) в северной части острова общей площадью 4,8 тысячи десятин были разбиты в шахматном порядке на участки между СССР и концессионером и разделены между двумя участниками по 50 процентов.

О концессиях, безусловно, еще будет упомянуто, а пока отмечу, что соглашение было весьма прагматичным. Помимо всевозможных платежей концессионер обязался передавать советской стороне все данные геологических исследований. Кроме того, была установлена квота на присутствие иностранных рабочих и специалистов: 75 процентов неквалифицированных рабочих должны были составлять наши граждане, количество специалистов делилось пополам между нашими и иностранцами. Таким образом, советские специалисты, работавшие по договору у концессионера, получали навыки бурения и добычи нефти, осваивали современные по тем временам технологии и создавали задел для собственной нефтедобычи.

Концессия действовала и на шахте "Дуэ"

Но если советские "технари" потирали руки в предвкушении новых технологий, то идеологи хватались за головы.

Если на советских предприятиях царили нищета и голод, то, например, снабжение японской угольной концессии "Дуэ" производилось исключительно импортными дешевыми товаропродуктами путем выдачи их по ордерам в счет зарплаты, а существовавшие возможности привоза японцами советской червонной валюты позволяли оплачивать труд отдельных групп рабочих высокими ставками. Не вязалось это с тем, что капиталисты заняты только беспощадной эксплуатацией рабочих, а вот советская власть наоборот.

Потому что в нашей нефтянке, например, "завезенные из Баку и Грозного рабочие почти все разбежались...", "помещений для семейных нет. Кое-как выстроили на берегу Кайгана барак и поместили рабочих жен и детей, кое-кто не выдержал и отправился на тот свет, к счастью, не так много 1 мужчина, 1 женщина, 1 ребенок", "рабочие до сих пор живут в палатках, уже два года подряд спят вповалку при ужасном холоде, достигающем до 40 градусов мороза. И в таких условиях живут не только взрослые, но и цветы жизни — дети. Эти цветы превращаются в Охе в жалкие создания, и мы не имеем возможности дать им более лучшие условия. Школа размещается в помещении, устроенном для бани, арендованном у концессионера... Такое положение никуда не годится. Этим объясняется текучка рабсилы, достигающая до 300%".

На аналогичном уровне развивалось и производство. Воровство материально-технических ресурсов с концессионных промыслов для собственного производства напрямую

поощрялось руководством "Сахнефти" и оплачивалось деньгами или спиртом: "Был такой случай, когда с японского склада на глазах японского сторожа неожиданно снялся и пополз по снегу на наш склад многопудовый насос. Заинтересовавшись таким противоестественным явлением, сторож обнаружил, что... его тянул стальной трос, который совершал эту работу с помощью ручной лебедки. За излишнее любопытство сторож как будто бы был избит, но переход насоса в "Сахнефть" не состоялся... Краденый инструмент и оборудование перекрашивалось, сбивалась японская нумерация и клейма, ставились советские..."

А вот лесозаготовителям воровать было не у кого: "Не завезли вовсе теплой одежды, сбруй, и сейчас (в декабре) рабочие в тайге работают в кепках, ботинках, т. е. как летом, а часть принуждена лежать в бараках, так как не в чем выйти на улицу. Мяса и жиров не завезено. Плохо с завозом оборудования и инструментов..."

Для выполнения плана по лесозаготовкам крестьян с лошадьми отмобилизовывали на вывозку леса, в том числе "направлялся отряд красноармейцев для специального воздействия, особенно в отношении рыковских и дербинских крестьян". На дорогах устанавливали пограничные посты для задержания бежавших с лесозаготовок. А если через них удавалось проскользнуть, "покинувшие деляну лишались возможности устраиваться на другую работу", они лишались продовольственного снабжения.

Спросите, а что было такого в этом лесе, из-за чего обычных людей превращали в заключенных? Куда его девали? А на экспорт в Японию отправляли...

Что тут говорить про рабочих, если с Сахалина пытались бежать и руководители?

Август 1926 года, председатель ревкома Рыбновского района Ф.Н. Шапошников: "Ввиду окончания срока моей ссылки прошу освободить меня от обязанностей предрайревкома... Годичных материальных и моральных лишений, выпавших на мою долю за пребывание в Рыбновском районе, считаю вполне достаточными..."

Конец 1929 года, уже упомянутый секретарь окружкома партии (по сути глава области) Ф.Я.Конюхов: "Я чувствую себя нервно совершенно растрепанным... вынужден решительно настаивать на отпуске с Сахалина на любую работу в любое место, но просил бы послать на производство на текстильную фабрику, т.к. являюсь по специальности прядильным мастером и работал по этой профессии десять лет"...

Как отмечалось в документах того времени, "повсеместно царили настроения "Уехать с Сахалина, убраться куда-нибудь подальше от всех трудностей жизни"..."

Хотя кто-то уже начинал закрепляться, увеличивая прослойку старожилов.

И тем не менее, летом 1927 года в 146 населенных пунктах севера острова проживало всего около 12 тысяч человек. На 1 января 1929 года было уже 26,5 тысячи человек. Но на юге Сахалина жило уже в 10 раз больше. Это было не только обидно, но уже и опасно... 14 мая 1925 года в Александровске над штабом японских войск был спущен флаг и подписан заключительный акт уполномоченных правительств о восстановлении полного суверенитета

СССР над Северным Сахалином. 15 мая в городе по этому поводу состоялся торжественный митинг. Даты эти, знаменующие освобождение части острова от оккупации, в области никак не отмечаются, разве что центральная площадь в Александровске-Сахалинском (бывшая Кандальная, бывшая Большая) с 1925 года именуется "Имени 15 мая".

Что представлял оставляемый японцами Северный Сахалин?

Как докладывал в апреле 1925 года (представители советской власти начали работать на острове еще в марте) председатель сахалинского ревкома Р.Шишлянников Дальревкому, "рабочих нет. На рудниках русских рабочих единицы — все больше китайцы, корейцы и японцы. В порту русских грузчиков нет. Пьянство повальное, пьют старики, девушки, парни. Водка 20 коп. бутылка. Общественных организаций нет, есть кооператив, объединяющий большую часть населения Александровска, во главе стоит гр. Бавбек, сидевший при японцах в тюрьме и потом выпущенный. Это единственная организация, на которую мы можем опереться.

Предстоит начать большие работы по Александровскому району, здесь будет достаточно много острых моментов, т.к. главное имущество здесь. Вопрос о желдороме предрешен, японцы ее не увозят, да и особой ценности она не представляет. Водопровод (зимой, кстати, замерзающий) — хоть и не оконченный, все же большое приобретение. Хуже дело с электрической станцией, она принадлежит японскому предпринимателю, собирающемуся продать ее нам или вывезти в Японию... Станция вполне приличная, и выпускать ее было бы крайне неосмотрительно. Японцы запрашивают 150 тысяч йен. Конечно, сумма для нас неподъемная".

По поводу электростанции сторговались на 65 тысячах йен, правда, предприниматель увез часть второстепенного оборудования. Ввиду отсутствия счетчиков плата взималась с каждой лампочки и розетки. Однако сложностей их учет не представлял. После ухода японцев "город освещался электричеством в количестве 50 точек". И тем не менее электростанция была нужна всем горожанам — по ней сверяли часы. Гудки подавались в 5-45, 13-45, а с 14 января проверка часов производилась "не затуханием лампочек, а гудком, подаваемым электростанцией в 21 час".

Что еще осталось из серьезных предприятий, исключая шахты? Рыборазводный завод на Тыми, он в итоге стал основой для советского рыборазведения лососей. Лисий питомник в Михайловке (21 чернобурка, 19 "крестовок", 21 голубой песец) — его в 1928 году перевели в Приморье. Два десятка скважин на нефтяных месторождениях, но о них разговор особый, нефтяные месторождения подлежали концессионному разделу.

Собственно говоря, это все. И говорит о том, что японцы действительно видели в Северном Сахалине исключительно сырьевой придаток. Во всяком случае, контраст с югом острова в этом отношении был разителен.

Напомним, что в сентябре на Хонсю произошло "Великое землетрясение Канто", сопровождаемое 12-метровыми волнами цунами. Официальное число погибших — 174 тысячи, еще 542 тысячи числятся пропавшими без вести, свыше миллиона остались без крова. Общее число пострадавших составило около 4 миллионов. На одной из площадей Токио погибло около 40 тыс. человек — они задохнулись, когда загорелись окружающие площадь дома. Материальный ущерб, понесенный Японией от землетрясения Канто, оценивается в 4,5 миллиарда долларов, что составляло на тот момент два годовых бюджета страны и в пять раз превышало расходы Японии в русско-японской войне. Однако вложения в Карафуто продолжались.

Если в 1918 году здесь проживало около 79,8 тысячи человек, то в 1925 году уже 189 тысяч. В 1925 году завершены работы в порту Хонто (Невельск), на который затрачено 2,5 миллиона йен. В 1917 году японский парламент утвердил 5-летний план развития железных дорог Карафуто. В октябре 1920 открыта линия Хонто — Маока (Холмск), а в 1925 из Хонто уже можно было доехать до Томариору (Томари). В 1925 году железными дорогами перевезено 1227 тысяч пассажиров и 568 тысяч тонн грузов. Строилась и в 1928 году вошла в эксплуатацию сложнейшая железнодорожная линия Тойохара — Маока.

В 1925 и 1926 году вступили в строй бумажные заводы в Эсутору (Углегорск) и Сиритори (Макаров). Таким образом, были, в общем, построены все (только поронайский вступил в строй уже в 30-х) ЦБЗ Сахалина.

Однако и здесь шла достаточно бесконтрольная эксплуатация природных ресурсов. Уже были подорваны запасы прибрежного краба (120 заводов по его переработке — что вы хотели?). Его добыча в 1926 году по сравнению с 1916 сократилась почти в 6 раз.

В 1923 году заготовлено 4,35 миллиона кубометров леса, в 1924 — почти 5 миллионов кубометров. Для сравнения напомним, что примерно столько готовилось в годы советской власти на всем острове. Естественно, запасы таяли. Плюс к этому постоянные пожары по причине сухих порубочных остатков и небрежного обращения с лесами, нашествия короеда и шелкопряда...

Угольная промышленность развивалась не слишком активно. В 1917 году действовало пять шахт с годовой добычей в 57,8 тысячи тонн угля, в 1925 — 8 шахт добывали 250 тысяч тонн угля. Уголь приходилось завозить из Японии.

На полях работало 33,3 тысячи крестьян (в 7,6 тысячи крестьянских хозяйств), но прокормить Карафуто они не могли, ни в это время, ни десятилетие спустя.

Одной из основных проблем в экономике, как и сейчас, была четко выраженная сезонность. Впрочем, она нивелировалась близостью Японии и колониальной вербовкой китайцев и корейцев.

Упомянем и про Курильские острова, полный контроль над которыми Япония установила в 1875 году. Они являлись составной частью провинции Нэмуру,

административным центром которой являлся одноименный город, расположенный на северо-востоке Хоккайдо.

Постоянное гражданское население Курильских островов росло крайне медленно. Особенно на Северных Курилах. Даже в конце 30-х годов число японцев, которые проводили зиму на Шумшу и Парамушире, составляло около двухсот человек. При этом постоянными жителями этих островов считались только одиннадцать человек. Зато на путину сюда приезжало до 16 тысяч рыбообработчиков. И в итоге средние и северные Курилы достались военным.

На Южных Курилах к 1939 году постоянно проживало восемнадцать тысяч человек. Самым крупным населенным пунктом был Томари (Головнино) — 5597 человек.

Что еще... Ах, да, знаменитые айны. В 1884 году японцы заставили всех северокурильских айнов переселиться на остров Шикотан. В 1941 году там умер последний северо-курильский айн. На Сахалине проводилась та же политика — в 1912-1914 годах японские власти свезли всех сахалинских айнов из традиционных поселений в несколько специальных селений, что нарушило их привычную жизнь и привело к растворению в японском социуме.

Однако вернемся на север.

Первым декретом советской власти стал "Приказ №1" Сахалинского ревкома от 15 мая, направленный против хулиганов, дебоширов и расхитителей. Как уже было сказано выше, пьянство на острове было распространено чрезвычайно, бутылка водки стоила 20 копеек. Весной 1925 года в Александровске на 3,8 тысячи жителей продавалось в месяц 10 тысяч ведер водки со всеми вытекающими из этого последствиями.

В борьбе со всем этим была сделана первая попытка ввести на острове "закрытую зону": "Разлагающе действовал осевший в округе, особенно в Александровске и Дуэ, безработный и уголовный элемент. В связи с этим... принято постановление о выселении на материк особо опасной группы лиц и о введении строгого пограничного режима в населенных пунктах в зоне действия 7,5 км полосы". Словом, Александровск был закрыт от посторонних. Однако "уголовный элемент" продолжал беспрепятственно проникать в город по пропускам, "бесконтрольно выдаваемым в Николаевске-на Амуре", зато законопослушные жители сел как Александровского, так и Тымовского района оказались отрезанными от административного центра. В итоге пограничную зону пришлось отменить.

Чуть подробнее остановимся на тогдашнем уровне жизни. Конечно, паритетную покупательскую способность сравнить сложно. Но скажем так, по введенному курсу в 1925 году одна йена равнялась 79 червонным копейкам. Фунт (400 граммов) белого хлеба стоил 10 копеек, мяса — 25 копеек, риса — 25 копеек, сахара — 18 копеек, десяток яиц — 25 копеек. В отдаленных местностях цены были выше.

И вообще полная перемена системы снабжения острова привела поначалу к совершенно катастрофическому положению. Как писал в верха секретарь сахалинского партбюро Н.Рудаков в сентябре 1925 года: "О снабжении — положение катастрофическое... ничего кроме водки нет. Охотники не могут идти в тайгу за отсутствием огнеприпасов и продовольствия... На весь остров 1 пуд пороха и больше ничего... Население очень тревожно реагирует на такое положение. Если до 10 октября товары и продукты не забросят, то Сахалину угрожает солидное бедствие. Тут, безусловно, преступный бюрократизм".

Крайне сложным был "квартирный вопрос". В Александровске в июне 1925 года проживало 2,5 тысячи человек. Из 306 учтенных домов 277 подлежали сносу по причине ветхости, в том числе и знаменитый "японский городок". А потому была введена норма в 2,5 квадратной сажени на гражданина старше 16 лет. Это чуть больше 5 квадратных метров. Для детей норма была установлена в 1,5 квадратной сажени. Если норма превышалась, квартплата взималась в двойном размере. Квартплата в августе составляла от 20 копеек до 1 рубля за сажень. Ввиду сложнейшего положения был открыт "Дом крестьянина" — нечто среднее между гостиницей и общежитием. С рабочих и крестьян брали 25 копеек в сутки, с прочих — 50 копеек, с одной ездовой собаки — 5 копеек (собаки, естественно, привязывались во дворе).

Зарплата... В 1925 году на японских шахтах шахтер получал примерно 2 йены в день, то есть где-то полтора рубля. Тонна мгачинского угля стоила 7,58 йены.

Вот со всего этого и пришлось начинать.

14 мая 1925 г. в девять часов сорок минут последние японские войска на кораблях отбыли на Родину. 15 мая Полномочная комиссия ЦИК СССР передала всю полноту власти Сахалинскому революционному комитету, имевшему все властные полномочия по руководству советской, хозяйственной, партийной и другой многообразной работой. Пятнадцатого июня это решение было утверждено Президиумом ЦИК СССР. С этого момента Сахалинский ревком приступил к исполнению своих обязанностей по руководству и управлению Сахалинским округом.

При ревкоме были созданы секретариат и общий отдел. В общий отдел входили подотделы коммунального хозяйства, народного образования, здравоохранения, земледелия и связи. Общий отдел возглавил Николай Рудаков. Подотделом коммунального хозяйства руководил В. Иконников, подотделом народного образования — П. Сикорский, подотделом здравоохранения — И. Плютач, земельным подотделом — Х. Бавбек, почтово-телеграфным — Худяков.

В первый же день Сахалинский ревком издал постановление о введении на Северном Сахалине советских денежных знаков и приеме их во всех учреждениях.

Учитывая необходимость административного деления Северного Сахалина, ревком разделил Сахалинский округ (образованный решением Далькрайкома от 12 мая 1925 г.) на

четыре района: Александровский, с центром в г. Александровске; Рыковский, с центром в селении Рыковском; Восточный с центром в поселке Оха и Рыбновский, с центром в селении Дмитриево-Григорьевское.

Через 10 дней после восстановления Советской власти на Северном Сахалине в районы округа были командированы представители окружного ревкома для установления там советской власти. Затем были созданы 4 райревкома (Рыбновский, Рыковский, Пильвенский и Восточно-Сахалинский) и 1 городской ревком (Александровский), а также их аппараты. Кроме того, было организовано 6 поссоветов (Агневский, Октябрьский, Дуйский, Тангинский, Хоэнский, Пограничный).

Для управления Александровским районом специального административного органа было решено не создавать, поручив управление непосредственно сахалинскому ревкому. Для организации и осуществления административного управления и подготовки к советизации в северо-западном районе был назначен уполномоченный сахалинского ревкома и образован милицейский пост в составе 1 старшего и 1 младшего милиционера.

Девятого июля состоялось заседание островной избирательной комиссии, которая приняла решение ходатайствовать перед Дальревкомом об установлении нормы представительства в Советы 1 кандидата от 25 жителей и организации Советов в селениях с числом жителей не менее 100 человек.

Через 5 дней были утверждены план избирательной кампании и инструкции по выборам. Для проведения кампании назначили уполномоченных избирательной комиссии по Александровскому району Ахарова и Леонтьева, по Рыковскому – Шапошникова. В Рыбновский район был командирован Н. Рудаков.

С конца июля по четвертое августа 1925 г. на острове прошли первые выборы в сельские Советы. По 27-ми округам было избрано 213 депутатов. Несмотря на отсутствие опыта проведения избирательных кампаний, небольшой срок предвыборной кампании, выборы прошли организованно и при достаточной явке избирателей – из 3271 избирателя проголосовало 1921 человек или 58%. В состав советов было избрано 16,9% женщин, 16% представителей коренного населения. Несколько позднее оформилось 13 стойбищных обществ народностей Севера. Организационный период восстановления и укрепления Советской власти на Северном Сахалине завершился передачей власти окружным ревкомом избранному окружному органу.

По постановлению Дальревкома от 2 августа 1925 г. Северный Сахалин решено было считать в составе Дальневосточной области, как самостоятельный округ, с 4-мя районами: Александровским, Рыковским, Рыбновским и Восточным. 4 января 1926 г. был издан Декрет ВЦИК «Об образовании и районировании Дальневосточного края». По декрету был образован самостоятельный Сахалинский округ в составе Приморской губернии, к который входили 4 района: Александровский, Рыковский, Охинский и Рыбновский.

7 апреля 1926 г. Дальревком реорганизовал Сахалинский ревком в окружной революционный комитет, а в мае месяце прошли первые выборы в Александровский городской Совет.

С октября 1927 по апрель 1928 гг. на острове проходила избирательная кампания по выборам в районные и сельские Советы. По новому положению один член сельского совета избирался уже не от 25, а от 15 жителей, а 1 делегат на районный съезд от 50 граждан. По округу насчитывалось в то время 30 сельских Советов, 6 сельских отдельных обществ, 3 поселковых Совета (в Дуэ, Охе, Рогатом) и городской совет в Александровске. В голосовании приняло участие 60% избирателей. В состав сельских и поселковых советов было избрано 579 человек.

Организационный период восстановления и укрепления власти Советов на Северном Сахалине завершился передачей власти окружным ревкомом избранному окружному Совету. В январе 1929 г. на Сахалине состоялся первый окружной съезд Советов, на котором был избран окружной исполнительный комитет.

Советизацию и экономическое развитие северной части острова осложняло то обстоятельство, что согласно Пекинской конвенции, Правительство СССР соглашалось предоставить японским концернам концессию на эксплуатацию нефтяных и угольных месторождений Северного Сахалина.

Экономист Б. Семёнов в 1925 г. писал, что «внимание Японии сконцентрировано на сахалинской нефти, которая географически очень удобно расположена». Однако сахалинская нефть привлекала Японию не только своей географической близостью. В результате землетрясения 1923 г. Япония утратила практически весь свой мобилизационный запас нефтепродуктов, а текущие потребности удовлетворяла за счёт закупок в США, которые ставили её в уязвимое положение в стратегическом отношении. Именно поэтому на Пекинских переговорах японцы столь настойчиво добивались от правительства СССР гарантии предоставления нефтяной концессии на Северном Сахалине.

14 декабря 1925 г. Председателем ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинским и представителем японского концерна Северо-Сахалинских нефтяных предпринимателей «Кита Сагарен Секию Когю Кумиай» адмиралом Сигэцуру Накасато был подписан концессионный договор.

Концессионный договор 1925 г. был заключён сроком на 45 лет. По этому договору 50% сахалинских месторождений получила Япония. Вторая половина осталась за СССР, причём Япония особенно интересовалась тем, будет ли Советский Союз самостоятельно разрабатывать сахалинские месторождения или же уступит свои права США. Этот же вопрос стоял и в период организации треста «Сахалин нефть».

Условия нефтяной концессии предоставляли Японии право на проведение на территории Северного Сахалина горно-разведывательной (в течение 11 лет) и

горнопромышленной деятельности на нефтяных участках Охи, Нутово, Эхаби, Пильтун, Чайво, Ныйво, Углекуты и Катангли общей площадью 4807,12 десятин (5252 га) и извлекать из этой деятельности прибыль.

Общая площадь, на которой концессионеру предоставлялось право на разведочные работы, составляла 1140 кв. км или 1000 кв. верст, которая отводилась через год после подписания договора.

Плата за добытую нефть измерялась в зависимости от годового объёма её добычи. По мере увеличения добычи нефти рос размер отчислений. Так, при ежегодной добыче нефти до 30 тысяч метрических тонн долевое отчисление составляло 5%, увеличиваясь на 0,25% с возрастанием добычи на каждые 10 тысяч тонн. Максимальный размер долевого отчисления был установлен в 15% при добыче свыше 430 тысяч тонн нефти в год. В случае фонтанирования эксплуатационных скважин отчисления повышались до 45%.

Концессионеру были предоставлены широкие права в отношении постройки, как на разведочных, так и по соглашению с местными властями на площадях, не входящих в 1000-верстную полосу разнообразных сооружений, как то: подъездные пути, грунтовые дороги, узкоколейки, канатные дороги, ремонтные мастерские, лесопилки, лаборатории, кузницы, склады, электростанции и прочее, вплоть до газолиновых установок, а по особому соглашению с правительством СССР – нефтеперегонные заводы, фабрики и нефтепроводы.

Концессионеру предоставлялось бесплатное право пользования всякого рода общераспространенными ископаемыми: песок, глина, камень; использование воды, водной энергии и водного пространства. Также на разведочно-эксплуатационных участках было разрешено бесплатное использование леса. Концессионер имел право беспрепятственного и беспошлинного ввоза всякого рода машин, частей к ним и технических предметов и материалов для снабжения и оборудования концессионного предприятия, а также необходимых предметов широкого потребления и продовольствия для снабжения рабочих и служащих.

Вместо налогов и сборов, Концессионер уплачивал Правительству СССР 3,84% от стоимости годовой валовой добычи сырой нефти и газолена за вычетом из валовой добычи причитающегося правительству долевого отчисления.

Договором были обговорены условия труда рабочих и служащих на концессии. Все трудовые споры между японскими концессионерами и органами советской власти регулировались как существующими, так и впредь могущими быть изданными в СССР законами, распоряжениями властей и коллективными договорами. Японской стороне было дано право завозить рабочую силу из Японии в следующем соотношении: 25% неквалифицированной и 50% квалифицированной рабочей силы.

Кроме концессионного договора 1925 г., правительство СССР в конце 20-х годов подписало с японским концессионером ряд дополнительных соглашений. Так,

дополнительным соглашением от 21 февраля 1927 г. в 1000-вёрстной полосе концессионеру для разведочно-поисковых работ было выделено 11 разведочных районов: Северная Оха, Эхаби, Кадыланья, Поромай, Северный Боатасино, Южный Боатасино, Чемернидаги, Катангли, Менги-Конги и пр. Из этих разведочных площадей 3 площади (Северная Оха, Эхаби-2 и Катангли-1) к моменту заключения соглашения были поделены и введены в эксплуатацию.

Для эксплуатации нефтяных месторождений в июне 1926 г. японские предприниматели создали Северо-Сахалинскую акционерную компанию (Кита КарафутоСекиюКабусики Кайся). Основным капиталом концессионера составлял 10 миллионов иен, разделенных на 200 тысяч акций по 50 иен каждая, распределенных между 2788 держателями. Наиболее крупными акционерами компании были фирмы «Ниппон Секию Кайся», «Кухара Коогю», «Мицубиси Госи Кайся», «СооКихей», «Осака Соодзи Кайся», «НаканоКоогю Кайся», «АсахиСекию Кайся», «Накано Кан-ичи». Главой общества был избран адмирал С. Накасато. Общество имело 9 директоров-распорядителей: СимамураКиндзиро, ЯмадаБундзи, Хасимото Кейсабуро, ХаясиИкутаро, СакурайХикоитиро, МакидаТамаки, МацукатаКоодзиро, СайтоКоосуке, СиенобуМитинари. Основной задачей компании было развитие северосахалинских нефтяных ресурсов в коммерческих целях.

Надо сказать, что добыча нефти на Северном Сахалине составляла 60% от добычи нефти в самой Японии или 7% от общего импорта нефти в Японию. Динамику роста числа буровых скважин, эксплуатационного и разведочного бурения и добычи нефти концессионером на Северном Сахалине можно проследить по таблице в приложении 15.

Материалы для оборудования промыслов были получены из Японии. При этом качество их оставляло желать много лучшего, так как некоторые части портились и приходили в негодность не только в процессе работы, но и во время доставки.

Количество котлов на промысле доходило до 11, но в большинстве они были старые, изношенные, завезенные с японских промыслов. 2 котла пришлось совершенно изъять из употребления.

В первое время бурение производилось главным образом ручным способом, когда 4 рабочих в продолжение 12-16 часов двигали колесо ногами. Такой способ бурения советской стороной был запрещен. Было также запрещено канатное бурение с оттяжкой или с уравнительным винтом ввиду небезопасности такового.

Для переработки нефти на месте у концессионера имелся небольшой перегонный завод с пропускной способностью около 60 пудов в сутки. Официально завод был предназначен для производства опытов, но фактически играл роль подсобного предприятия, выгоняя солянку для внутреннего потребления на промысле.

Анализ оборудования концессии и анализ капиталовложений, проведенный специалистами треста «Сахалиннефть» в конце 20-х годов указывал на то, что максимальные

эксплуатационные возможности концессии ещё далеко не достигнуты. Ёмкость нефтехранилищ концессионера составляла 180000 тонн. И здесь лимит, определяющий предельную добычу, определялся цифрой 250-270 тысяч тонн.

В 1927 г. концессионером был построен нефтепровод диаметром 5 дюймов, в 1928 г. – нефтепровод диаметром 8 дюймов протяженностью 1700 метров с максимальной производительностью перекачки 5000 тонн нефти в сутки. В среднем суточный налив с помощью подводного нефтепровода составил 2233 тонны. Всего же в конце 20-х годов Обществом было построено 3 нефтепровода. Они шли от промыслов до места стоянки судов и нефтехранилищ. Только один из нефтепроводов мог перекачивать за период 4-х месячной навигации до 590 тысяч тонн нефти. Нефть качалась до резервуаров, где была расположена мощная насосная станция. Электростанция концессионера имела мощность в 670 Квт. и была в состоянии обслужить бурение 100 скважин в год, а также эксплуатационные работы и разгрузочный флот. Последний состоял из 25 морских катеров, не считая речных.

Для вывоза нефти в Японию в навигационный период к берегам Северного Сахалина одно за другим прибывали японские нефтеналивные суда, причем использовались пароходы, как Морского министерства, так и зафрахтованные концессионером частные пароходы. С 1928 по 1932 г. с острова в Японию было вывезено 849,5 тыс. т. нефти.

14 декабря 1925 г. советская сторона подписала с японским обществом северосахалинских угольных предприятий «Кита Карафуто Когио Кабусики Кайся» концессионный договор на эксплуатацию угольных площадей Северного Сахалина. Согласно договору фирме Кита Карафуто Когио Кабусики Кайся было предоставлено право на эксплуатацию трех месторождений каменного угля общей площадью 5505 гектаров, в том числе Дуйский отвод площадью 1293 гектара, Владимирский отвод площадью 1534 гектара и Мгачинский отвод площадью 2578 гектаров.

Главными акционерами угольного акционерного общества являлись фирмы «Мицубиси», «Мицуи», «Окура», «Сибусава», «Сумимото», «Асано». Основной капитал общества составлял 10 миллионов иен (в 200000 акций распределенных между 1000 держателей) и оплаченный – 4 миллиона иен.

Согласно Концессионному договору концессионер уплачивал 3,33% от стоимости добытой валовой продукции, 4% за аренду имущества, а также долевое отчисление от 3 до 8% в зависимости от добытого количества угля. Только в 1927/28 операционном году советской стороной от концессионера было получено 19325 руб., а в 1928/29 операционном году – 158750 рублей. Всего за 1925-1930 гг. платежи концессионера государству составили 106800 иен. За 1928-1934 гг. концессия уплатила советской стороне в виде долевого отчисления 31,5 тыс. тонн угля.

На аналогичных условиях 23 февраля 1926 г. советской стороной был подписан концессионный договор с фирмой «Цукухара Кумияй». Концессионеру была сдана в

концессию площадь в верховьях реки Костина на восточном берегу Северного Сахалина, в 65 км к югу от Александровска. По договору от 28 февраля 1926 г. с фирмой «Сакай Кумиай», последней предоставлялась в концессионное пользование площадь в 463 гектара на западном берегу реки Агнево. Надо отметить, что эти две концессии не смогли наладить производство из-за недостатка средств. И если «Сакай Кумиай» передала права на свои месторождения «Кита Карафуту Когио Кабусики Кайся», то «Цукухара Кумиай» так и не приступила к работе и не сумела хотя бы частично, как, например, «Сакай Кумиай», реализовать свои концессионные права путем передачи их третьим лицам. Правда, по политическим мотивам советской стороной расторжение договора ранее 1930 г. было признано нецелесообразным. И лишь 25 мая 1930 г. на основании постановления СНК СССР договор с этим обществом стал считаться прекратившим свою силу.

Следует сказать, что концессионные договора внеси большое разочарование в ожидания японских концессионеров, так как из концессии были исключены Макарьевские отводы и VI-ой Семеновский рудник у мыса Рогатый. А именно там японцами были проведены большие подготовительные работы.

Тем не менее, японцы лихорадочно приступают к разработке отведенных им площадей. Однако цифры, содержащиеся в приложения 16, свидетельствуют, что динамика угледобычи, дав в конце 20-х гг. значительный рост, вначале 30-х гг. была подвержена существенным колебаниям, что можно объяснить воздействием на японскую экономику мирового экономического кризиса 1929-1933 гг.

Добытый уголь вывозился в Японию на судах, зафрахтованных концессионером. Для доставки добытого угля на пристань по Дуйской долине рядом с рабочим поселком была проложена своеобразная железная дорога, не нуждающаяся ни в каком двигателе. Каждые 2-3 минуты по рельсам проносился поезд из 3-4 вагонеток, груженных углем. Благодаря тому, что колея имела небольшой уклон, не было нужды прибегать к услугам паровоза.

Вагонетки останавливались у гигантского элеватора, установленного возле самой пристани. Элеватор принимал уголь одновременно от вагонеток и с подвесной дороги, протянутой к пристани с другой шахты. Элеватор разгружался от угля, бросая его на ленту конвейера, проведенного по пристани.

В 1928 г. для бесперебойной подачи угля под погрузку, вблизи пристани концессионером был выстроен бетонный склад вместимостью до 2000 тонн угля. Со склада на пристань шла лента транспортера, а оттуда, по раздвоенному телескопическому желобу уголь поступал на баржи. Производительность данного конвейера достигала до 150 тонн в час. Нельзя не отметить тот факт, что погрузка угля шла очень успешно, достигая 1200 тонн за 14 часов работы японских грузчиков.

Что же касается концессий на северосахалинские рыболовные участки, то следует иметь в виду, что связи с депрессией на японском рынке интерес японских

рыбозаготовителей в отношении рыбного тука заметно снизился. В результате в 1927/28 г. японцы арендовали на Северном Сахалине только 4 промысловых участка и за отчётный год взяли с них всего 2200 центнеров рыбы.

Кроме нефтяной и угольной концессий, а также концессий на добычу и переработку рыбопродукции, японские фирмы активно домогались предоставления им на Северном Сахалине лесной концессии. Первое предложение о лесной концессии на Северном Сахалине в Дальневосточный концессионный комитет поступило от японского Дальневосточного лесопромышленного синдиката. Впоследствии в комитет поступило заявление уполномоченного синдиката «Рорио Ринго Кумиай», подписанное господином К. Уемура о желании заключить концессионный договор на лесную концессию сроком на 35 лет в северной части острова Сахалина в следующих лесных районах: 1. Весь район бассейна реки Поронай, 2. район бассейнов рек Хой и Танги, включая до реки Мач, 3. Район бассейна реки Агнево и от него до границы с японской частью острова, включая районы рек Най-Най и Пильво, 4. Весь район бассейна реки Тыми. Достоинно отметить заявление японского уполномоченного, что детальные планы будут им представлены дополнительно по фактическому исследованию.

Предпринимателю было устно указано, что без разрешения со стороны соответствующих органов такое исследование не допускается. Однако можно было предположить, что представители японской лесной промышленности и без дополнительного исследования располагали значительно большими данными о лесах Северного Сахалина, чем советские ведомства.

Столь активная позиция Японии по отношению к северной части острова весьма беспокоила советскую сторону. «Японизация» острова ослабляла не только экономические позиции, но и ухудшала политическое и военно-стратегическое положение СССР в регионе. По мнению Г.А. Унпелева, наличие на острове концессий создавало обстановку соревнования двух систем, практически ставило вопрос «кто – кого» или «кто лучше» в мирной производственной деятельности. Однако внешнеполитический аспект суверенизации Северного Сахалина осложнял ряд объективных и субъективных факторов, а именно: в 1925 г. в СССР ещё не окончился период восстановления экономики после окончания гражданской войны. За этот год промышленность страны выдала 75% продукции от уровня 1913 г. В таких условиях было не до дальних окраин; естественные богатства Сахалина, на фоне гигантских запасов полезных ископаемых СССР, сами по себе не могли привлечь особенного внимания. Внимание центра было обращено на его геополитическую роль, место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сопоставление запасов нефти, угля, леса, рыбы в странах региона, сложность экономических и политических отношений между ними, делали Сахалин важным звеном в системе международных экономических отношений на Тихом океане. В силу международной значимости Северного Сахалина по новому проявлялась его

роль во внутреннем экономическом развитии СССР – роль источника валютных средств, в которых остро нуждалось советское правительство, осуществлявшее программу широкомасштабной индустриализации Дальнего Востока и СССР в целом. Признавая роль Сахалина в получении валютной выручки, Далькрайком ВКП (б), считал, что «...дело освоения Сахалина является хозяйственно-политической задачей, имеющей не только краевое, но и общесоюзное значение». Выделение при этом политического момента указывало также на понимание краевыми органами власти противоречивости совместного хозяйствования на острове двух противоположных систем. Укрепление советских экономических позиций на острове должно было способствовать усилению советского влияния не только на Сахалине, но и в целом на Дальнем Востоке. Поэтому, добившись возвращения северной части острова, советская администрация немедленно приступает к его промышленному освоению.

В 1925-1926 гг. восточный берег острова посетили командированные Геологическим комитетом совместно с горным отделом ВСНХ СССР геологические экспедиции, в составе геологов П.И. Полевого, С.И. Миронова, А.И. Косыгина, Н.А. Кудрявцева, А.Н. Криштафовича, Н.С. Абазова и др. Кроме обследования восточного берега на громадном протяжении от Охи почти до мыса Ратманова, предварительные изыскания делались также на западном берегу в районе реки Лангри. Экспедициями было установлено, что нефть залегает в антиклинальных складках верхнетретичных отложений, причём нефтеносная свита обладает большой мощностью – от 700 до 1500 метров, были установлены 3 обособленные складки и открыты новые нефтяные месторождения. Исследования показали, что на острове существует нефть разного качества – от тяжелой масляной (Оха) до легкой, с содержанием до 40% бензина (Нутово).

Работами Сахалинской экспедиции Геологического комитета с 1925 по 1929 гг. и работами японских геологов с 1923 по 1929 гг., а также бурением концессионера с 1923 по 1929 гг. и треста «Сахалиннефть» с 1928 по 1929 гг. было установлено наличие промышленных запасов нефти в Охинском и Катанглинском месторождениях, а также значительные шансы на нефтеносность других месторождений. В частности на Охе было обнаружено 11 нефтеносных горизонтов, из которых 3, 4, 5 и 6 определённо имели установленную промышленную нефтеносность с суточным дебетом скважин от 10 до 40 тонн.

18-20 августа 1925 г. при горном отделе ГЭУ ВСНХ СССР состоялось совещание по вопросам организации государственной промышленности на о. Сахалин. Оно признало необходимым учреждение специального хозяйственного органа в форме треста общесоюзного значения для геологоразведочных, экономических и других исследований в отношении нефти и последующей её эксплуатацией на Сахалине. Потребность треста в

денежных средствах на первый год существования была определена в 600 тыс. руб. Местонахождение Правления треста было намечено во Владивостоке.

30 октября 1925г. появился и проект Постановления ВСНХ СССР «Об организации государственной нефтепромышленности на Сахалине». Тем не менее, данный проект не был воплощен в жизнь ни в 1925, ни в 1926 году.

В конечном итоге, к организации нефтедобычи на Северном Сахалине было решено приступить с 1928 г., а в 1927 г. предполагалось провести подготовительные работы, для чего Главгортоп ходатайствовал перед ВСНХ СССР об отпуске 1,5 млн. руб.

В то же самое время бывший доверенный фирмы «И. Стахеев и К0» Кашин хлопотал о предоставлении ему права добычи сахалинской нефти, для чего он якобы имел необходимые средства и гарантировал привлечь для этого дела иностранный капитал. Однако в этом ему было отказано.

С 12 сентября 1927 г. на Северном Сахалине были начаты подготовительные работы к эксплуатации сахалинских нефтяных месторождений. В первое время они велись особо уполномоченным ВСНХ В.А. Миллером, а затем трестом «Эмбанефть».

В первую очередь трест заключил договор с «Дальгосторгом» на снабжение Охинских нефтяных промыслов товарами и продуктами на сумму 250 тыс. руб. В список товаров вошли: мука, крупы, масло, рис, макаронные изделия, мясо, овощи и фрукты, соль, сахар, одежда и обувь, кухонная утварь, постельные принадлежности и пр. Часть товаров предполагалось завезти из-за границы. Кроме того, в Японии трестом было закуплено 2 катера и 5 кунгасов. Однако при осмотре катера оказались старыми, а моторы – изношенными.

В скором времени подготовительные работы развернулись в таком масштабе, что остро встал вопрос о необходимости создания самостоятельной организации в форме треста общесоюзного значения.

30 июня 1928 г. ВСНХ СССР обратился в СНК СССР с представлением об организации на Северном Сахалине треста нефтяной промышленности. В представлении была отмечена необходимость самостоятельной разработки советских нефтяных участков во избежание их обесценения вследствие подсасывания японскими скважинами нефти с советских участков.

После согласования вопроса с Наркомторгом, Наркомфином и другими заинтересованными организациями, 10 августа 1928 г. данное представление было заслушано на заседании Совета труда и обороны (СТО) и после обсуждения вынесено следующее постановление: «Разрешить ВСНХ СССР немедленно организовать для эксплуатации месторождений нефти, газа, кира и озеркирита на острове Сахалине государственное объединение нефтяной и газовой промышленности в форме треста общесоюзного значения под названием Сахалиннефть. Уставной капитал треста определить условно в сумме 2500 тыс. руб. Предложить ВСНХ окончательную сумму уставного

капитала определить по согласованию с Народным комиссариатом финансов. Месторасположение Правления треста избрать остров Сахалин».

С 1 сентября 1928 г. трест общесоюзного значения «Сахалиннефть» принял эстафету у «Эмбанефти». Надо отметить, что он должен был начинать работу, что называется с «чистого листа», ибо являлся первым совершенно новым нефтяным предприятием, которое было организовано советской властью, что создавало особую трудность работы «Сахалиннефти», по сравнению с работой в старых трестах, получивших в наследство от эпохи капитализма значительный основной капитал, кадры опытных квалифицированных рабочих, инженеров и техников.

Поэтому на Сахалин приходилось завозить в больших количествах рабочие кадры, оборудование, материалы для производства, а также продукты снабжения и питания для рабочих.

В первые годы своей деятельности «Сахалиннефти» пришлось встать на путь завоза даже жилых зданий, ибо быстрое и своевременное их сооружение требовало слишком большого завоза рабочей силы и создавало колоссальные организационные и продовольственные затруднения. Так, в 1928 г. на промыслы треста были завезены железные здания «Трусконы» из Японии и деревянные складные дома типа «Норд», закупленные на внутреннем рынке.

Однако основным затруднением в развёртывании эксплуатации сахалинских нефтяных месторождений являлись тяжёлые транспортные условия. С одной стороны имел место краткий срок навигации, отсутствие портов, ограниченность и нерегулярность рейсов Совторгфлота, а с другой стороны - полное отсутствие каких бы то ни было дорог для сообщения с берегом и передвижения по острову в районы, где были сосредоточены нефтяные месторождения.

В связи с вышеизложенными факторами разрешение транспортной проблемы во всей её полноте являлось необходимой предпосылкой для развёртывания работ по добыче нефти.

Вследствие краткого срока навигации количество свозимого на Сахалин оборудования и материалов определяло собой объём работ следующего года. Руководством треста была отмечена необходимость финансирования «Сахалиннефти» в таком объёме, чтобы завоз оборудования и материалов текущего года обеспечивал возможность полного выполнения капитального строительства следующего года.

5 сентября 1928 г. на охинских нефтепромыслах приступили к бурению первой советской скважины, а 6 ноября 1928 г. нефтяная скважина № 141 дала промышленную нефть. В 1928/29 хозяйственном году на северосахалинских нефтепромыслах трестом было добыто 17628 тонн нефти.

Для удовлетворения топливных нужд Сахалина и Николаевского округа трест имел на Северном Сахалине 2 небольших нефтеперегонных завода – один был выстроен в 1929, другой в 1932 г. с суточной пропускной способностью в 27 тонн.

Однако отсутствие нормальных транспортных связей делало невозможной транспортировку добытой нефти на материк. Поэтому в первые годы своей деятельности трест вынужден был большую часть добытой нефти продавать японским концессионерам. Когда концессионеру становилось известно о том, что имевшаяся у треста емкость загружена нефтью, он как покупатель делался несговорчивым.

Такая ситуация сложилась летом 1931 г., когда цены на нефть во всем мире снизились. «Японские фирмы, писал В. Канторович, - пользуясь положением охинских промыслов, поставили очень невыгодные условия».

Руководство «Сахалиннефти» знало, что единственным выходом из такого положения может быть только собственная организация вывоза нефти с острова. Поэтому ещё в 1929 г. было решено строить от охинских промыслов до посёлка Москальво нефтепровод. В Москальво предполагалось оборудовать 300-метровую эстакаду для подхода и загрузки нефтеналивных судов и барж. Для этого полученный в 1929 г. от японцев аванс был направлен на закупку в США оборудования для нефтепровода.

К декабрю 1929 г. ценный груз был доставлен на Сахалин. Из Америки пришло 30 км нефтепровода, 4 больших резервуара, оборудование для буровых и т.д. Нефтепровод длиной в 37 км был сооружен к осени 1931 г.

В навигацию 1931 г. из Москальво на Хабаровский нефтеперегонный завод планировалось перевести 70-80 тыс. т., в навигацию 1932 г. – 200-220 тыс., в 1933 г. – 400-450 тыс. тонн. Однако местный транспорт с перевозкой нефти в навигацию 1931 г. справиться не мог. Поэтому был дан заказ на постройку 4 нефтеналивных барж общей грузоподъемностью в 14 тыс. т., которые смогли бы обеспечить перевозку указанного количества нефти. Баржи были изготовлены к 15 февраля 1931 г., а эксплуатация их началась с 1 июня 1931 г.

В 1932 г. инженер Н.И. Берлинг предложил использовать в качестве нефтехранилищ скважины, расположенные на нефтеносных песчаных пластах. Добытую нефть под давлением закачивали в безводную скважину. Когда возникала необходимость извлечь нефть, открывали задвижку и скважина начинала фонтанировать. Однако данная методика не получила широкого распространения на сахалинских нефтепромыслах. Всё ограничилось лишь проведением опытов.

Надо отметить, что промыслы «Сахалиннефти» являлись единственным предприятием в Советском Союзе, находящимся в условиях капиталистического окружения, ибо промысловые участки чередовались в шахматном порядке с промыслами японского концессионера. Северный Сахалин вообще, а нефть его в особенности являлись объектом

экспансионистских устремлений Японии, что создавало совершенно своеобразную и весьма сложную обстановку работы. Шахматное расположение участков и соседство с концессией сильно усложняло работу «Сахалиннефти».

Что же касается развития советской каменноугольной промышленности, то надо отметить, что уже 18 июня 1925 г. на острове начало свою работу управление горного округа, начальником которого был назначен П.Г. Бондаренко. Управление организовало работу нескольких экспедиций, обследовавших угольные месторождения Северного Сахалина.

29 июня 1925 г. на острове начала свою работу геологическая экспедиция А.Н. Криштафовича. Результаты обследования рудников показали, что все каменноугольные шахты прекратили своё существование и угольную промышленность острова надо создавать заново.

С уходом японцев остро встал вопрос снабжения Александровска углем. Учитывая создавшееся положение, Сахалинский ревком решил открыть свои рудники. Для этой цели отделом коммунального хозяйства Сахалинского ревкома было поручено горному технику Стукалову произвести обследование районов вблизи Александровска и разведку на предмет нахождения пластов угля, пригодных для разработки.

Обследование показало, что на бывшем руднике Петровского в 6 верстах от города можно, несмотря на нарушение пластов выработать около 6000 тонн угля с небольшими предварительными затратами. В пользу выбора рудника Петровского был и тот факт, что от города к руднику шла грунтовая дорога.

17 августа 1925 г. на заседании Сахалинского бюро профессиональных союзов, заслушавшим результаты обследования шахт Северного Сахалина, было принято решение о проведении восстановительных работ на руднике Петровского. На восстановительные работы ревкомом было ассигновано 1000 руб., а также выделены строительные и крепёжные материалы.

Однако, наладив снабжение углем местного населения, сахалинские власти не предприняли никаких действий по восстановлению и промышленной разработке остальных шахт острова. Основными причинами этого были: 1) тяжелые и дорогие условия погрузки угля на пароходы на открытом рейде; 2) ограниченное число благоприятных дней; 3) отсутствие естественных бухт, 4) отсутствие рабочих рук.

В 1925 г. угольные запасы Северного Сахалина оценивались в 2 млрд. т. при общих дальневосточных запасах в 3 млрд. т. Таким образом, на острове было сосредоточено около 65% всех геологических запасов дальневосточных углей. К тому же из 1 млрд. т. материковского угля 700 млн. составляли бурые угли с низкой теплотворной способностью. В связи с этим многие экономисты отмечали, что при правильной разработке угольных

месторождений Сахалин «может легко стать важнейшей угольной станцией на Тихом океане».

Кроме того, существовала большая перспектива снабжения сахалинским углем бассейна р. Амура до Благовещенска. Продажная цена угля для Хабаровска по предварительным расчётам не должна была превышать 13 руб., для Благовещенска - 15 руб. Также представлялось возможным организовать ежегодный экспорт не менее 30 тыс. т. угля в Шанхай с получением прибыли до 25%.

К такому выводу власти подталкивали следующие обстоятельства: 1. истощение угольных запасов сопредельных стран (Китай, Япония); 2. специфические качества китайских углей (большая зольность); 3. преобладание на острове коксующихся углей, пригодных для металлургических целей, в которых крайне нуждаются промышленные предприятия Японии и Китая.

Учитывая вышеприведенные аргументы, 1 апреля 1927 г. Совнархоз Дальневосточного края принял решение об организации на Северном Сахалине государственной каменноугольной промышленности. В том же году на острове было создано каменноугольное предприятие «Государственные Рогатинские каменноугольные копи» треста «Приморскуголь» (в дальнейшем «Дальуголь») и открыта шахта «Октябрьская» на мысе Рогатый. Затраты по восстановлению Рогатинского предприятия составили 315 тыс. руб.

Надо сказать, что состояние горных выработок Октябрьского рудника было таково, что необходимо было останавливать добычу угля и все силы бросать на восстановление главных штреков, ибо они требовали капитального ремонта и полной переустановки, крепёжных стоек.

Для вывоза угля у шахты имелось в наличии 2 баржи по 40 тонн вместимости каждая, и 6 барж по 50 тонн. Однако пристань рудника ремонтировалась неграмотно и к 1928 г. находилась в таком состоянии, что могла быть снесена первым же сильным штормом.

В 1927/28 г. на подземных работах в шахте работало 8 забойщиков и 4 крепильщика, 41 человек обслуги, на поверхности работало 102 человека, причем большинство из них использовалось в основном на подсобных работах. В протоколах заседаний окружного партийного бюро отмечалось, что «рабочая сила Октябрьского рудника имеет нездоровые сезонные настроения с установкой на максимальный заработок».

Тем не менее, количество рабочих в угольной промышленности Северного Сахалина возрастало с каждым годом. Если в 1925 г. на рудниках острова работало всего лишь 26 человек, то в 1928 – 291, в 1929 – 436, а в 1930 г. в отрасли фактически было занято 1317 человек.

Кроме русских рабочих на руднике имелось немало китайцев. К сентябрю 1928 г. их насчитывалось свыше 187 человек. Следует сказать, что отношения между китайцами и

русскими отнюдь не были дружескими. На общем собрании восточных рабочих 19 февраля 1928 г. отмечалось, что русские оскорбляют китайцев, имелись случаи избиений. Упоминался факт, что в очереди за мясом китайцев выталкивали из неё со словами «фазаны мяса не кушают».

Таким образом, следует констатировать, что поспешно проводимая трестом «Дальуголь» линия на одновременное восстановление и эксплуатацию шахты «Октябрьская» оказалась ошибочной. Технический уровень предприятия был предельно низким, оборудование работало с использованием паровой силы. Не имелось своей электростанции, плавучих средств, береговых причальных сооружений для вывозки угля. Положение усугубилось тем, что на руднике нашел пристанище рвачески настроенный элемент, прибывший из артемовских, сучанских и тетюховских копей Приморья и частично с концессионного предприятия «Дуэ».

За годы оккупации особенно большой ущерб японцы своим хищническим ловом нанесли рыбным запасам острова. Летом 1925 г. Сахалинский ревком опубликовал «Временные правила о порядке производства рыбной ловли местным населением». Согласно им, сахалинцы получили право бесплатной рыбной ловли при условии производства таковой для личного потребления. Правила запрещали лов рыбы в устьях рек, а также лов рыбы с целью приготовления тука или добычи икры. У лиц, нарушивших правила, отбирались орудия лова и улов. Контролировали проведение правил в жизнь органы рыболовного надзора и милиции. Впоследствии в целях восстановления запасов рыб у берегов Северного Сахалина Советское Правительство установило запрет на лов горбуши в нечётные годы.

В 1925 г. в одном только Рыбновском районе крупнопромысловыми организациями было выловлено 437 тысяч штук кеты, а крестьянами и туземцами – 508500 штук и по Тыми 300 тысяч штук. А всего без Восточного берега в 1925 г. было поймано 1245800 штук кеты на сумму 800 тысяч рублей.

Следующий, 1926 год, был отмечен богатыми уловами. К сожалению, из-за несвоевременного снабжения соответствующими органами солью и бочками, много уже пойманной рыбы приходилось закапывать, не говоря уж о том, что не удалось полностью использовать ход. В 1927-1928 гг. рыбозаготовителями было взято продукции на сумму около 4,5 млн. руб. Большая часть падала на заготовки «Дальгосрыбтреста» (ДГРТ). От населения было принято свыше 31,3 тыс. центнеров лососёвых.

Следует отметить, что для лова рыбы местное население, как правило, организовывалось в промысловые артели. В артель обычно входила вся деревня. Всего на Северном Сахалине в середине 1925 г. действовало 21 рыболовецкое товарищество. Большая часть из них (12 артелей с 381 членом) действовала в Рыбновском районе, в состав которых входило 35% прибрежного населения. К концу рыболовного сезона артели района произвели рыбной продукции на 104 тыс. руб.

В 1926 г. в Рыбновском районе был создан новый союз «Советский рыбак» объединивший 28 артелей (более 1500 едоков), в состав которого вошло 50% рыбацкого населения. В артелях состояло 650 бойцов. Союз рыбаков снабжал рыболовецкое население продуктами первой необходимости и орудиями лова, принимал на продажу от рыбаков свежую рыбу и рыбопродукты. «Советский рыбак» был поддержан в своей деятельности Дальгосторгом, с которым заключил договор на поставку рыбы, а Дальгосторг снабжал артели орудиями лова, продуктами питания. В первый год совместной деятельности рыболовецкие артели через рыбацкую кооперацию сдали Дальгосторгу горбуши на 200000 руб. Увеличилось число нивхских хозяйств, занимающихся исключительно рыболовством, их стало 320.

Содействовал росту рыбопромысловой кооперации «Сахалинский рабоче-крестьянский кооператив» (бывшее товарищество «Взаимопомощь»). С первых шагов своей деятельности он помог девяти сезонным рыболовецким артелям, работавшим на берегу реки Тыми, объединиться в единую артель «Красный луч» и выделил кредит в размере 10 тыс. руб. для приобретения промыслового снаряжения. За первый сезон «Красный луч» заготовил икры на 28,5 тыс. руб., которую кооператив реализовал на Николаевском-на-Амуре и Владивостокском рынках.

В конце 1928 г. союз «Советский рыбак», был слит воедино с потребительской кооперацией острова, и это объединение получило название интегральный союз промысловой потребительской кооперации (Интегралсоюз).

Следует сказать, что в сахалинском округе занималось рыболовством и население, которое не входило ни в какое коллективное объединение: жители 38 русских сёл и 42 нивхских стойбищ, в которых проживали 5379 жителей. Вся добыча местного населения составляла в 1925 г. 515,1 тыс. шт. рыбы.

Кроме местного населения сахалинское рыболовство давало средства существования и многим временно приезжающим. В 1926 г. на сахалинских рыбалках Дальгосрыбтреста было занято около 2000 сезонных рабочих.

Надо отметить, что Дальгосрыбтрест приступил к активному освоению рыбных богатств Сахалина в 1926 г. Основными районами лова являлись северо-западный берег, а с 1928 г. – северо-восточный берег. Главным контингентом работников треста на Сахалине были сезонные рабочие, привозимые на срок 3-6 мес. из Николаевска-на-Амуре и ближних к нему селений. Общее число их было незначительным: 590 человек в 1927 г. , 650 – в 1929.

Деятельность ДГРТ вызывала резкую критику со стороны окружного руководства вследствие хищнического характера промысла рыбы. Опираясь на так называемые «дикие» артели, набранные в Николаевске, трест занимался варварским промыслом, добывая порой столько, что оказывался не в состоянии переработать пойманное. 4 ноября 1928 г. председатель Сахревкома Е.В. Лебедев отправил докладную записку в президиум Дальбюро

ВКП(б), в которой приводил факты вопиющей бесхозяйственности треста. В записке, в частности, сообщалось, что в 1928 г. трест выловил 80 тыс. шт. кеты, которую попросту забыл вывести. Подобная же картина повторилась в 1929 г. на северо-восточном берегу, где трест, закупив у Охотосоюза 1500 дельфинов-белух, вытопил из них жир, а туши бросил гнить на берегу. Артели, стремясь увеличить количество сданной рыбы, скупали её у коренного населения за водку, а порой и попросту отбирали. Особо в этом преуспела Николаевская артель со странным названием «Страдалец», снискавшая себе недобрую славу на северо-западном побережье Сахалина.

Сахревком неоднократно ставил перед краевыми органами вопрос о снятии треста с рыбных промыслов. Такая позиция сахалинских органов власти находила поддержку у другой организации – «Дальгосторга», закупавшего у населения Сахалина пойманную рыбу и объективно заинтересованного в развитии промысловых мощностей. Характеризуя состояние рыбной промышленности Сахалинского округа, уполномоченный ДГТ Скворцов писал в отчете за 1928г.: «За три года работы ДГРТ острову ничего не дал».

Кроме Дальгосрыбтреста рыболовецкие участки острова получали и другие объединения. Так, в 1925 г. 7 рыболовных участков Северного Сахалина были сданы в аренду акционерному обществу «Дальморепродукт» за плату 32,5 тыс. руб., в 1926 г. сумма поступлений от сдачи участков в аренду возросла до 66732 руб., а в 1927 г. – до 79991 руб.

Следует отметить и хищнический лов рыбы у берегов Северного Сахалина японцами, который производился в 1925 и 1926 гг. Только на одной рыбалке вылавливалось свыше 100 тысяч штук горбуши и 25 тысяч штук кеты. 13 мая 1927 г. окрревком издал постановление о регулировании рыбного промысла местного населения. Согласно ему был запрещен лов кеты и горбуши в бассейнах реки Тымь и по рекам западного побережья Сахалина свыше нормы, установленной «Дальрыбой». Был категорически запрещён лов всех пород рыбы в притоках реки Тымь, так как они были объявлены нерестовыми. Категорически запрещался лов рыб осетровых пород по всему побережью Сахалина.

Кроме добычи рыбы существовало на острове и рыбозаводство. В Рыковском районе около селения Воскресненского располагался рыбозаводный завод, оставленный японцами и переданный в полном порядке Советской власти. В 1925 г. для обслуживания завода имелось 2 рабочих: один в качестве сторожа, а другой для ухода за мальками. К моменту передачи острова советской стороне на заводе имелось 7 млн. мальков. Он продолжал успешно функционировать, выпуская каждый год около 10 миллионов мальков в Тымь. Мальки выращивались на заводе в течение 10 месяцев и возвращались на завод через 5-6 лет.

В первые годы советизации острова лесные массивы Северного Сахалина продолжали оставаться практически неисследованными. В 1925-1926 гг. рекогносцировочное обследование сахалинских лесов производил профессор Б.А. Ивашкевич. Им были

осмотрены леса в бассейне реки Александровки, в Охинском и Чайвинском районах. Сахалинское лесничество по новейшим и архивным материалам составило карту лесов и пыталось выяснить возможный отпуск древесины, который определялся для ели и пихты в 6981.5 тыс. куб. ф., для лиственницы 6046 тыс. куб. ф.

По составу леса Северного Сахалина разделялись на 2 группы: по северо-западной территории острова и по юго-восточной. Первая группа характеризовалась преобладанием в составе насаждений лиственницы и полным отсутствием широколиственных пород, тогда как вторая – преобладанием ели и пихты, при наличии значительного процента пород широколиственных. При этом следует отметить, что западный берег северо-западной части Сахалина был покрыт безлесной тундровой болотистой полосой, тянувшейся на ширину до 25 км. Леса южной части Сахалина отличались обилием горелых площадей в районах бывших каторжных тюрем и поселений. Согласно данным, заключенным в приложении 18, 10 лесных дач Сахалинского лесного хозяйства располагались на территории 3943 тыс. га, причем более 95 процентов территории, покрытой лесом было занято елью, пихтой и лиственницей.

В 1928 г. впервые на Сахалине были проведены лесоустроительные работы, которые дали к концу летнего сезона свыше 60 тыс. га устроенной по 5 разряду площади Ревкомовской (Пилевской) дачи. В 1929 г. лесоустройство продолжалось, и к концу сезона было закончено устройство Агневской дачи площадью в 70000 га и Поронайской – площадью в 404000 га.

Из проведённых исследований и лесоустроительных работ видно, что леса Северного Сахалина с таксационными данными, освещены на сравнительно небольшой площади в 1,5 миллиона гектаров и на них устроено свыше 430 тысяч га, а с законченными отчетными данными имеется пока ещё только 60 тысяч га. А между тем, площадь севера Сахалина занимает пространство 4234000 гектаров, из которых ориентировочно по архивным данным считаются занятыми товарными насаждениями 2718000 гектаров, то есть около 79% общей его площади, малолесными и безлесными пространствами, культивируемой площадью, кустарниками, гарями и тундрой 1516000 гектаров.

За три года советизации острова имело место расширение сети лесосек. Если в 1925-1926 гг. лесоотпуск производился только в 4 лесных дачах, то уже в 1927-1928 гг. – по всем 10 дачам сахалинского лесничества. Годичный отпуск древесины со всех лесных дач в 1927-1929 гг. выражался цифрой около 2290 тыс. куб. м. Из указанного количества значительная доля отпуска падала на концессионера – около 44%. Однако с развитием местной промышленности она постепенно снижалась.

Бичом сахалинских лесов с начала каторжной колонизации являлись лесные пожары. По определению учёного лесовода Б.А. Ивашкевича в 1925 г. выгоревшие площади занимали около 400 тысяч гектаров. Кроме того, под крестьянские наделы было отмежевано около 130

тысяч гектаров, таким образом, площадь государственных лесов определялась цифрой 2587 тыс. га.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что леса русской части Сахалина хищнически вырубались японцами. В 1927 г. экспедиция Титаренко при посещении устья реки Лангери обнаружила японский пароход, грузивший лесоматериалы. Только на одной лесосеке японскими рубщиками было свалено 2408 штук деревьев, причем выбирались исключительно крупные экземпляры. Всего же в 1927 г. ими было вырублено 226634 кубофута общей стоимостью 16689 рублей 76 копеек.

Начало охотничьему промыслу после оккупации Северного Сахалина положило общее собрание охотников Александровска, созванное 13 июля 1925 г. инициативной группой охотников. На нем было вынесено постановление об организации Сахалинского Промыслово-кооперативного Товарищества Союза охотников. Размер паевого взноса был установлен в 3 рубля, вступительный взнос – 50 копеек. К 25 марта 1926 г. в товариществе насчитывалось 524 члена. К 15 июля 1926 г. общество насчитывало уже 700 кооперированных членов-охотников, (в числе коих туземцев 108 человек), что составляло 7% от всего числа населения Сахалина. Однако вопрос о снабжении членов кооператива боеприпасами оставался неразрешенным.

25 марта 1926 г. открылся Первый островной съезд уполномоченных членов Охотосоюза Северного Сахалина. Он пришел к заключению о необходимости прекращения охоты на соболя, выдру и кабаргу сроком на 2 года. Было предложено выйти с ходатайством в ревком для проработки законоположения о запрете. На съезде была признана категорически недопустимой охота на лису с помощью стрихнина и взрывчатых веществ. Кроме того, были разработаны рекомендации по установлению новых сроков охоты. Так, на белку была установлена охота с 1 ноября по 1 марта, на глухарей, рябчиков, белых куропаток с 20 августа по 1 мая. А вот заяц был признан вредителем и охота на него разрешалась без ограничений.

За охотничий сезон 1925/26 г. было добыто и доставлено в Сахалинское отделение «Дальгосторга» пушнины на сумму 80661,6 руб., против плановой цифры 35200 руб., что составляло 229,2% плана. Такая неожиданно богатая добыча превысила план заготовки более чем вдвое, что можно объяснить небывалым ходом белки, частью, вероятно, пришедшей с Южного Сахалина, где леса вырубались японскими промышленными компаниями и истреблялись вредителями. Заготовка белки при плане в 2000 хвостов составила 41830 хвостов. Добыча соболя составила 167% к плану, добыча лисиц составила 100%. Таким образом, 1925/26 г. показал, что пушные богатства Сахалина ещё не истощились и при разумной дальнейшей эксплуатации могут служить и впредь.

Однако в 1926/27 г. пушнины было добыто лишь на 34075,5 руб. Таким образом, размеры заготовок пушного зверя снизились, и в 1927 г. Советская власть внесла сроком на 2

года местный запрет на добычу соболя и ряд ограничений в сроках охоты на других пушных зверей. В связи с этим заготовки пушнины, проводимые на острове «Дальгосторгом», резко сократились. Так, в 1927/28 г. у местного населения было приобретено пушнины на сумму 11392 руб., а в 1928/29 г. – на 24735 руб.